Покровитель Героглы

Category: Edebi makalalar,Kitapcy
написано kitapcy | 24 января, 2025
Покровитель Героглы ПОКРОВИТЕЛЬ ГЕРОГЛЫ

Из воспоминаний профессора Мяти Косаева: «И еще один интересный случай. В 1940 году научный сотрудник Института истории языка и литературы Ата Чапов записывал со слов багши Пальвана, знатока Героглы, главы эпоса. Когда дошло до главы «Смерть Героглы», багши отказался рассказывать ее. Свой отказ он объяснил так: «Мой дед рассказывал все главы «Героглы», а вот о его смерти умолчал. Когда я спрашивал о причинах, дед говорил: «Все багши условились не петь ту главу, где рассказывается о смерти батыра, чтобы не расстраивать слушателей. И если я расскажу эту главу, получится, что я нарушу уговор багши». Словом, Ата Чапов пробыл в доме Пальвана багши больше месяца, записывая эпос, но тот так и не рассказал эту главу».
Эпос «Героглы» впервые был издан отдельной книгой в 1941 году. в книгу вошли тринадцать глав. Подготовил ее к публикации Ата Говшудов, а редактором был Мяти Косаев.
Ата Чапов, упоминаемый в воспоминаниях профессора, по заданию института отправился в Дашховуз и там впервые записал несколько глав «Героглы» со слов Пальвана багши.
Так кто же такой Ата Чапов, о котором идет речь? Поскольку я не встречал имени этого человека в литературоведении, то решил поинтересоваться его дальнейшей судьбой. В конце концов мне подсказали, где я могу найти его старшего сына.
Сыну Ата Чапова Какалы-ага сейчас семьдесят лет. И вот мы беседуем с ним за чашкой чая.
— Мой отец, Ата Чапов, некоторые его и Чеповым называют, родился в 1894 году. его отца звали Толег онбеги. В царское время он был командиром кавалерийского полка в ауле Асхабат. Он рано умер, но успел стать кавалером двух Георгиев.
По рассказам, в начале века он джигитом отправляется в Париж. Там была организована выставка ахалтекинских скакунов.

Вернувшись из Парижа, дед рассказывал: «Больше всего там были поражены туркменским доном, тельпеком и каурмой». Потому что даже под дождем дон не промок. А тельпек использовался вместо подушки. Кошму внутри нее не могла пробить даже пуля. Специально стреляли, чтобы проверить. Ну, а каурма даже после нескольких дней не портилась.

Меня назвали именем деда Толега, который побывал в Париже.

Я увеличил фотографию деда, на которой он изображен в Париже, и повесил на стене. Однажды один знакомый, придя ко мне в дом, удивленно спросил: «Кто это такой?» Честно говоря, я не отважился сказать, что это мой дед. Время было такое. Сказал, что это портрет одного артиста.

А теперь об отце. В давние времена он окончил Мичуринский техникум в городе Козлове. Вначале работал в селе Гарадамак учителем, потом был агрономом. В песках работал директором серного завода. Это было где-то в начале тридцатых годов. В тот период, когда он работал на этой должности, его исключили из партии и сняли с работы якобы за то, что он принадлежит к группировке Ата Гурда (в тридцатые годы было много шума из-за «группировки атагурдовцев». Но это тема отдельного разговора — А. Ч.).

После исключения из партии он работал в разных местах. Экстерном окончил Ашгабатский пединститут. Вообще, он был очень способным к языкам. Красноречив. Дружил с Мяти Косаевым. Его другом был также поэт Амандурды Аламышов. Они были не разлей вода.

То ли в тридцать шестом, то ли в тридцать седьмом году он работал в Институте языка и литературы. Институт направил его в командировку в Дашховуз. Как сегодня помню его возвращение из командировки. С собой он привез целую стопу бумаг. Надо сказать правду. Отец почему-то не все из этих бумаг сдал в институт. Не знаю, почему. Возможно, не успел этого сделать. Потому что буквально через три четыре дня после возвращения из командировки его ночью забрали из дома. Почти год он просидел в тюрьме. Оттуда его выпустили, так и определив срок.

Спустя много времени я написал в Москву, пытаясь выяснить, за что его арестовали. Ничего конкретного узнать мне не удалось.

Я только могу предполагать, почему его выпустили, так и не осудив: Ежова судили, а на его место пришел Берия. Примерно в то же время состоялся январский пленум ЦК ВКП (б). На этом пленуме выступил Сталин и говорил о том, что много людей было арестовано незаконно. Вот тогда-то и выпустили из тюрем многих безвинно арестованных. Видно, и мой отец попал в их число.

Сам отец ни словом не обмолвился о своем аресте, ничего не рассказывал о вынесенных им пытках и страданиях. Хотя мы временами и просили его рассказать.

Кто знает, возможно, его арестовали потому, что он работал когда-то директором серного завода. Этот завод в то время был оборонного значения.

С отцом в одной камере сидел профессор Сукнев. Он работал директором Института микробиологии и эпидемиологии. Их обоих одновременно освободили. Впоследствии профессор часто бывал у нас дома, приходил к нам чаевничать. Вот здесь мне хочется с любовью вспомнить об одной отважной женщине. Это была коллега моего отца по работе, ученая-литературовед Сакали. Эта мужественная женщина очень много помогала нам после ареста отца. Согласитесь, надо было обладать огромным бесстрашием, чтобы помогать семье «врага народа».

После возвращения и заключения отец некоторое время учительствовал в Гарадамаке. А потом стал работать садовником в подсобном хозяйстве стекольного завода.

А вскоре началась Великая Отечественная война. Отец добровольцем ушел на фронт. На войне он был ранен. И в августе 1945 года вернулся домой. С отцом я случайно встретился в одном из российских городов, теперь не помню его названия. На железнодорожном вокзале. Он был в военной форме, возвращался с фронта. А мы отсюда ехали в Москву, на Всесоюзный парад физкультурников. Стою на перроне и вижу, как навстречу мне идет отец. Обнялись. Поговорить спокойно нам не удалось, потому что поезд уже трогался, но я от радости не мог удержать слез, что катились из моих глаз. Отец остался он махал мне рукой.

Я тогда учился в сельскохозяйственном институте. Поскольку был здоровым, мне было поручено на параде нести флаг

Туркменистана. Парад принимал сам Сталин. Потом я опять нес знамя на параде сорок шестого года.
После войны отец пошел работать садовником на прежнее место. То были такие времена, когда ты мало что иметь, если тебя исключили из партии. Что ты был фронтовиком, окончил институт мало кого интересовало…»
Какалы-ага тоже преследовали за то, что его отец был исключен из партии. А было это так.
В конце сороковых годов Какалы окончил институт и начал работать в Министерстве государственного контроля. Четыре года проработал. И вдруг ни с того ни с сего к нему начинают придираться. Видите ли, вступая в партию, он скрыл, что отец его был исключен из партии. «Но я ведь и не знал тогда, что отца исключили, это случилось, когда мне было всего-то 10-12. Откуда мне знать, что такое партия. И потом, сам отец об этом никогда не говорил», – рассказывает Какалы-ага.
Его снимают с работы. Объявляют выговор. Он начинает работать в Институте земледелия. Однажды его отправляют в командировку в Дашховуз. Это уже в пятьдесят третьем было. И эта командировка оказала большое влияние на его дальнейшую судьбу. Здесь его большим другом стал председатель Йыланлынского колхоза «Большевик» Реджепкули Атаев.
После смерти Сталина состоялся сентябрьский пленум ЦК ВКП(б). Многое на этом пленуме было рассмотрено заново. «Для таких как я, это был судьбоносный пленум. Реджепкули сказал мне: «Оставайся здесь». И я согласился. Мне тогда было двадцать девять лет. У меня были жена и двое детей».
Там Какалы четыре года проработал директором МТС. Потом три года директорствовал на МТС в Кенеургенче. После того, как МТС закрыли, вернулся в Ашгабат. Возглавил сельскохозяйственный техникум. Работал на руководящих должностях в «Гарагумводстрое».
– Я уже говорил, – продолжает Какалы, – для того, чтобы переписать «Героглы» отцу пришлось пять – шесть месяцев провести командировку в Дашховузе. Он переписывал со слов Пальвана багши, там и другие багши были. Я сейчас, когда вспоминаю, что мы не смогли уберечь бумаги, что он не сдал их

в институт, аж сердце щемит. Причиной тому – война, голод, нищета наша. Отец ушел на фронт, а дома осталось куча детей. Суровая зима. Сидим у холодной печи и дрожим. А дома нет ничего для растопки. Что делать? Так мы и использовали многие отцовские бумаги для растопки. Не дай Бог никому пережить то, что мы в те годы пережили.
Отец был здоровым человеком, крупным. Посмотри на меня. Сейчас, когда я бываю в нашем Пагта ауле, люди которые знали моего отца, говорят: «Ты точно Ата-ага».
С работой у отца не очень-то ладилось. Да, он еще большое дело сделал: скрестил яндак и арбузное семя и вырастил арбузы. Мы и институту предлагали это, но толку никакого…

***

Ата Чапов умер в 1978 году в возрасте 84 лет. В этом году исполняется сто лет со дня его рождения. Заслуги его перед народом огромны, мы должны это сказать справедливости ради. В конце тридцатых годов он одним из первых пешком ходил по аулам, чтобы по крупицам собрать и вернуть своему народу героический эпос «Героглы». Немало лишений ему пришлось вынести. Труд его оказался не напрасным. В 1941 году эпос «Героглы» впервые был издан отдельной книгой. И есть в этом немалая заслуга и Ата Чапова.
При жизни Ата-ага не был избалован вниманием, не был оценен по достоинству. Хоть и поздно, но хотелось бы увековечить его имя. Улица Ногина, на которой он прожил всю жизнь, могла бы быть переименована в улицу Ата Чапова. Это было бы справедливо.

А.Чуриев.

(Перевод с туркменского О.Оразкулиевой).

«Туркменская искра» 21.05.1994 год Edebi makalalar